

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: КТО И КАК ЕЕ ФОРМИРУЕТ?

СЕДЬМЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

ТЮМЕНЬ, 07 ФЕВРАЛЯ 2012 Г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — зав. кафедрой публичной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», эксперт Совета Европы, приглашенный исследователь Болонского университета (Италия), президент Международного общественного фонда политико-правовых исследований «Интерлигал» профессор **Н.Ю.Беляева**.

Ключевые слова: публичная политика, публика, гражданское общество, аналитические сообщества, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской
области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Наши Чтения уже охватили широкий круг тем: экономика, стратегическое планирование, культура, общественное мнение... Все они так или иначе соотносятся с актуальными проблемами политического управления — с теми проблемами, которые мы решаем в ежедневном и весьма напряженном режиме. Конечно, рано или поздно мы должны были заговорить о политике прямо и непосредственно. Закономерно, что мы делаем это сейчас — накануне выборов президента Российской Федерации, накануне того важнейшего события, которое в наших условиях определяет ход и пути развития страны на годы вперед. Ответственность велика, и к моменту выбора мы должны подойти во всеоружии, с полным осознанием сути стоящих перед нами альтернатив. Для этого нужно использовать любую возможность; и сегодняшние Чтения, как я ожидаю, такую возможность нам предоставят.

Потому что сквозным сюжетом всех состоявшихся мероприятий был сюжет, связанный с будущим. Мы не собираемся пассивно ожидать его прихода. Мы должны научиться осознанно конструировать наше будущее, придавать ему желаемые черты, управлять им. В полной мере это относится и к политической сфере. Ничто не будет таким, как прежде. И политика изменится тоже. О характеристиках политики будущего можно — и нужно — говорить и спорить, и сейчас мы займемся именно этим. Однако одним личным прогнозом я хочу поделиться

прямо сейчас. *Политика будущего, политика XXI в., будет прежде всего публичной. Она не будет определяться ни произволом одной личности, ни игрой эгоистических интересов узкого круга элитариев. Проще говоря, она не будет ни авторитарной, ни олигархической.* В ее формирование будут включены многие, очень многие действующие лица самой разной природы, предлагающие и отстаивающие свои представления об общественном интересе и путях его реализации. И конкуренция этих представлений будет не келейной и кулуарной, а открытой и публичной. Такая политика, что греха таить, для многих из нас окажется непривычной; значит, надо готовиться к ее росту и становлению уже сейчас.

Поэтому мы пригласили для сегодняшней лекции человека, сделавшего словосочетание «публичная политика» сердцевинной своей профессиональной деятельности. Это Нина Юрьевна Беляева — профессор, зав. кафедрой публичной политики Высшей школы экономики, приглашенный исследователь Болонского университета, президент Международного общественного фонда политико-правовых исследований «Интерлигал». А также эксперт Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Всемирного банка и ряда других международных организаций, председатель Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по публичной политике и управлению.

Добавлю к этому, что Нина Юрьевна была основным разработчиком нескольких федеральных законов, регулирующих самые основы нашей политической жизни, в частности законов «Об общественных объединениях» и «О политических партиях». Сочетание фундаментальных теоретических знаний и опыта их практического применения — основной критерий отбора лекторов для «Губернаторских чтений». А наша задача — воспользоваться этим всякий раз уникальным сплавом.

Теперь же, как обычно, со своим введением в дальнейшую дискуссию выступит Святослав Игоревич Каспэ.

Главный редактор журнала «Полития» С.И.Каспэ

«Политика XXI в. не будет ни авторитарной, ни олигархической». Это очень важная мысль, заслуживающая дополнительного обдумывания и раскрытия. А какой она тогда будет? Каковы будут ее собственные положительные черты?

Я думаю, что подсказкой является название того журнала, который многие в этой аудитории сейчас держат в руках. «Полития» — это термин, использованный Аристотелем, чтобы обозначить наилучший способ правления. Не идеальный, который пытался сконструировать его учитель Платон, а наилучший из действительно возможных. И главная характеристика такого правления — умеренность. Это такое правление, которое, не уклоняясь в опасные увлечения умозрительными идеалами, сообразуется прежде всего со здравым смыслом и здоровой нравственностью. Такое правление, которое не оскорбляет ни этическое, ни

эстетическое чувство граждан. Коротко говоря (словами самого Аристотеля), это такое правление, «когда ради общей пользы правит большинство». И тут надо учитывать еще одну мысль Аристотеля: «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих (даже если правит большинство! — С.К.) — все ошибочны: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей».

Но здесь возникает еще один вопрос: все это легко сказать, обо всем этом приятно мечтать, но как это сделать? Как привести к этому состоянию реальное, пострадавшее, дезориентированное сообщество? Как в нем может возникнуть пекущееся об общем благе большинство, если сообщество раздроблено, атомизировано, а частные представления об общем благе либо вообще не сформулированы, либо входят друг с другом в системный конфликт?

И тут подсказку — через века — дает тезис другого автора, одного из крупнейших политических ученых нашего времени, недавно скончавшегося Чарлза Тилли. Известно, что из определений демократии — и даже только современной демократии — можно было бы составить отдельную толстую книгу. Но даже на этом богатом фоне определение Тилли выделяется своей неожиданностью и глубиной. Демократия, сформулировал Тилли в своей последней книге, написанной уже на больничной койке, это «широкие, равноправные, взаимообязывающие и защищенные консультации по поводу политических назначений и выработки политического курса». Все остальное, что мы привыкли считать главным содержанием демократической идеи, — разделение властей, правление большинства, права меньшинств, свобода печати и собраний и даже сами выборы — суть всего лишь частные проявления либо технические подпорки этого общего принципа. Выборы, в конце концов, проходят редко — а вот консультации идут постоянно. И в ходе таких консультаций — еще раз повторю, широких, то есть вовлекающих и власть, и гражданское большинство, и гражданские меньшинства; равноправных, то есть таких, в которых стороны говорят с интенцией понимания и презумпцией уважения, а не закидывают друг друга грязью и банановыми шкурками; взаимообязывающих, то есть жестко, без дураков предписывающих определенное поведение и большинству граждан, и меньшинствам, и государству; защищенных, то есть таких, свобода и действенность которых гарантирована самой государственной политикой, самим устройством государства, — и воспитывается та самая умеренность и находится та самая мера, которые и были для Аристотеля сутью политики. Отсекаются крайности, и отыскивается золотая середина — она и есть искомое общее благо.

Институциональные механизмы обеспечения таких консультаций могут быть различными — и они различны в каждой стране, в каждом регионе, в каждом городе; в этом отношении нет никаких универсальных рецептов. Точнее, рецепт только один — они *должны быть*. А еще

должны определиться с собственной идентичностью и собственной артикулированной позицией все потенциальные участники таких консультаций. Должно стать понятно, кому, с кем и о чем разговаривать. Ни с позицией «мы лучше знаем, что вам нужно», ни с позицией «сами не знаем, что нам нужно, но чё-то все не нравится» на такие консультации выходить нельзя. И политику создать не получится. А вот если возникнет сеть осознающих себя и свои позиции социальных субъектов и если эта сеть охватит и власть, и большинство общества (при этом не исключая и меньшинств), тогда у нас появится шанс. Так и возникнет полноценная политика и полноценная публичная политика. О том, как этот шанс можно использовать, как построить такую сеть, и расскажет Нина Юрьевна.

Н.Ю.Беляева

Готовясь к визиту в Тюмень, я познакомилась с несколькими ежегодными посланиями губернатора, внимательно их прочитала, и меня поразил сформулированный там призыв к обществу — стать более активным. Не во всех наших губерниях их руководители призывают общество к активности, в России этого скорее принято бояться. Но, между прочим, верно отметил премьер-министр в своей вчерашней статье в «Коммерсанте»: демократия развивается тогда, когда к ней готово общество. А я добавлю — прежде всего активная публика. И мы будем говорить о публичной политике, а также об обществе и о публике как субъектах ее формирования.

Сегодня общественное внимание приковано к событиям, в современной России редким, — к массовым общегражданским митингам. Общество активизировалось, у него появились требования, люди выходят на улицы. Начинается артикуляция общественных интересов, структурируются новые социальные группы, которые пытаются вести публичный диалог. Является ли все это публичной политикой? Участвует ли в процессе все общество или только его часть? Ведь «общество» и «публика» — разные понятия. «Общество» — это социум в целом, 140 млн. граждан с разными демографическими и образовательными характеристиками, с разной способностью критически воспринимать информацию, доверять друг другу, строить диалог между социальными группами. Понятие «публика» — другое. У нас в России его используют мало, относятся к нему как бы с подозрением. Подозрения напрасны. «Публика» и есть социальная база публичной политики — открытой, прозрачной, конкурентной, ответственной public policy.

Публичная политика есть такой способ управления делами общества, который по-разному описывается в трех традициях — американской, европейской и глобальной.

В американской традиции — это все, что делает (или не делает) правительство по вопросам, волнующих большинство граждан. В традиции европейской — это включение в выработку государственных решений большого количества негосударственных акторов, общест-

венных объединений, бизнеса и т.д. Глобальная же традиция главной составляющей публичной политики видит даже не субъектов и акторов, договаривающихся о политических решениях и программах, а сами процедуры согласования разнонаправленных интересов, механизмы достижения компромисса.

В России, как ни странно, более популярна первая традиция — американская. Но для всех трех традиций ключевое значение имеет понятие «публика», то есть часть общества, состоящая из информированных, компетентных граждан, способных к самоорганизации ради достижения общих интересов. Здесь прямая отсылка к классическим трактовкам, к смыслам термина *res publica*. Именно публика является основой гражданского общества, именно ее активность во взаимодействии с другими политическими акторами приводит к реализации «публичного интереса» и достижению «общего блага», к изменению, в случае необходимости, имеющихся политических институтов. Способность к сотрудничеству, к оказанию помощи «другим», к солидарности и взаимному доверию обладает именно публика. Так как публика есть совокупность компетентных, информированных, самостоятельных граждан, то включение ее на регулярной основе в активную политическую практику делает саму эту практику институтом гражданского участия.

Итак, для успешного участия в выработке и согласовании публичной политики необходимы определенные гражданские компетенции. Например, понимание уникальных интересов своей общественной группы, способность эти интересы публично и внятно артикулировать, а также нести ответственность за свои публичные действия. Ответственность в публичной политике — вообще очень важная вещь. Она позволяет, например, понять, насколько серьезно настроены организаторы митингов, хотят ли они просто побузить или готовы сформулировать содержательный месседж. Чего требуем? Что предлагаем? Не все готовы отвечать на такие простые вопросы.

Умение организовать масштабное публичное событие тоже имеет значение. Замечено, что отношение власти и полиции к митингующим меняется сообразно количеству организованных граждан, высказывающих свои требования: если выходят 5–7 тыс., их можно разогнать; если 15 тыс., надо помочь митингу пройти без проблем; если 500 тыс., то, как говорится, «полиция переходит на сторону народа». Активная публика должна быть готова осмыслить и сформулировать свой интерес, готова к дискуссии, к формулировке общих целей, к созданию широких общественных коалиций. Тогда и начинаются перемены. А отсутствие необходимых компетенций ведет к ущербности и манипулятивности публичной политики, к приобретению ею имитационного характера. Публика — субстанция «текучая и летучая», поэтому ее можно собрать и искусственно, мобилизовать внешним воздействием.

Публика часто реагирует на эмоциональный вызов, на несправедливость, на несоответствие социальным ожиданиям. Хороший пример — выступления пенсионеров против монетизации льгот. И начавшаяся

сейчас политическая реформа, конечно, следствие выступлений публики. Публика в целом смелее, чем общество, публика более открыта и более грамотна. Но ей часто не хватает организованности, последовательности, умения действовать согласованно, того, что в политической науке называют «субъектностью». Достигают успеха те действия публики, которые затем преобразуются в более стандартные, более организованные структуры гражданского общества. Например, обманутые дольщики становятся заметны и выигрывают только тогда, когда создают широкие коалиции. То же относится к экологам, противникам точечной застройки и т.п. Навык самоорганизации и диалога — важнейшее качество, которое вырабатывается именно в публичном действии и позволяет участвовать в политике уже на постоянной основе.

Публика — активная часть социума, которая готова выступать инициатором создания общественных коалиций. А из них уже, в свою очередь, складывается гражданское общество. И тогда — но не раньше — оно способно действовать в общенациональных интересах. В Италии, например, которая недавно оказалась на грани экономического банкротства, сознательность гражданского общества дошла до того, что граждане стали самостоятельно выкупать государственные долговые обязательства, мотивируя это нежеланием допустить зависимость своей страны от иностранных кредиторов. Так действовало общество; но готовила его к этому публика.

Теперь поговорим об акторах публичной политики. Это, конечно, прежде всего те, кому по должности положено принимать властные решения, те, кому граждане доверили дела управления, — то есть органы власти всех уровней. Но наряду с ними в развитых полициях действует множество других акторов, полноценно участвующих в выработке публичной политики и постановке ее задач. Они и в России появляются: бизнес и бизнес-ассоциации, обычно самый мощный после государства актор; пресса, обеспечивающая постоянную обратную связь с властью; политические партии; гражданские и общественные движения; местные сообщества; наконец, та самая активная публика. Причем публика активизируется именно тогда, когда в общественном организме что-то болит с особенной силой. Публика и обеспечивает прорыв той или иной проблемы в публичное пространство.

Этим акторам свойственны разные веса и разные формы действия. Они различаются прежде всего по степени своей политической самостоятельности.

Первая категория, самая низкая по этому критерию, — «агенты», которые не имеют и не реализуют никакой собственной стратегии политического действия. Агенты действуют в политике для чужого интереса и за счет чужого ресурса, выполняют чужую политическую волю, называемую обычно «политическим заказом». Типичным примером таких агентов являются молодежные организации при политических партиях. Еще раз повторяю, публичная политика — сфера, невероятно загруженная разного рода манипуляциями. С одной стороны, можно

долго вести работу по выявлению общественного интереса, формулированию месседжа, выстраиванию социальной практики; с другой стороны, при наличии ресурса всю эту деятельность можно легко имитировать. Тут реальная угроза фальсификации публичной политики. Нужно уметь различать эти вещи. Во время волнений в Киргизии, например, публичная активность в прямом смысле продавалась через интернет, можно было просто заказать митинг в свою поддержку. Это опасная технология, которой может воспользоваться любой ресурсный политический субъект. Как с ней бороться? Вниманием к тем людям, которые во всем этом участвуют. На имитационных акциях митингующие боятся вопросов, у них нет своего месседжа, нет точной артикуляции. Выявление фейков не так уж и сложно, но тут нельзя ограничиваться просто фото- или телекартинками, а нужно подойти и познакомиться с людьми, участвующими в публичной акции, спросить, насколько они убеждены в том, что делают...

Вторая категория — собственно «политические акторы», у которых может быть своя повестка (agenda) в текущей политике. Они обладают коллективным сознанием и волей, они способны к целеполаганию, но у них не хватает собственных ресурсов для того, чтобы оказать заметное влияние на поведение других политических акторов.

Третья категория акторов, наиболее ресурсообеспеченная — «самостоятельные субъекты» публичной политики. Они способны не только формулировать стратегии собственного поведения, но и предлагать (или навязывать) эти стратегии другим политическим акторам. У них достаточно ресурсов, чтобы определяющим образом влиять на поведение как зависимых агентов, так и независимых, но слабых акторов. Таких субъектов в политическом пространстве России не так уж много, но это не только «коллективный Кремль», или лично президент, или премьер, но и целый ряд вполне гражданских субъектов. Например, общество «Мемориал» и комитеты солдатских матерей не просто предлагают государству и обществу свою повестку дня, но заставляют власти с этой повесткой считаться.

В заключение необходимо сказать пару слов о роли интеллектуального сообщества как субъекта публичной политики. Роль «думающего сословия» невероятно важна, и она растет с каждым годом. Мы проводим исследования аналитических сообществ как субъектов политики на местном, национальном и глобальном уровнях. У нас имеется множество интеллектуальных групп и сообществ. Их отличает высочайший уровень понимания социальных проблем и креативный подход к выработке повестки дня, они способны стать реальными лидерами гражданской активности. Мало того, что таких сообществ появляется все больше, они уже начинают выстраивать долгосрочные отношения и с обществом в целом, и с различными социальными группами, и с властью. Мы видим креативное развитие регионов там, где существует разнообразие этих сообществ, где идет конкуренция между ними, обеспечивающая предложение уникального интеллектуального продукта.

И мне бы очень хотелось, чтобы креативный класс Тюменской области тоже дал примеры таких интеллектуальных сообществ, которые смогли бы концентрировать гражданский потенциал региона.

**И.о. зав.
кафедры
политологии
Института
гуманитарных
наук Тюменского
государственного
университета
И.В. Бобров**

Институциональные рамки современного развития российского общества заданы социетальными процессами разложения тоталитаризма. С одной стороны, меняется вся система социальных, экономических, политических отношений, в результате чего угасают прежние идентичности и возникают новые. Значительные массы населения находятся одновременно в состоянии десоциализации, ресоциализации и социализации (последнее в основном относится к поколению «рожденных не в СССР»). Все это порождает эффекты ценностного, цивилизационного разрыва и затрудняет функционирование социальных институтов. С другой стороны, разложение тоталитаризма формирует противоречивый фон политических практик, базирующихся на антагонистических ценностных основаниях. Возникают такие коллизии, как:

- столкновение политики как борьбы за власть и ее удержание различными группами истеблишмента и политики как деятельности по иерархизации общественных интересов с использованием институтов власти;
- противостояние закона как легитимного насилия и закона как институционализирующей практики;
- смешение частной и публичной сфер, преобладание в последней неформальных связей над институциональными;
- слабость взаимоотношений между гражданами и государством;
- ритуализация гражданских и политических действий вместо гражданского активизма.

В таких условиях в политической сфере доминируют не столько социально-политические, сколько культурно-политические акторы, то есть общности, ориентирующиеся в своей деятельности не на осознанные социальные интересы, а на общие культурные ценности (и возможности получения ресурсной поддержки от государственной власти).

В то же время за последние 20 лет в России сложились и определенные социальные группы, добившиеся политического доминирования. Это государственная бюрократия, крупная финансово-промышленная буржуазия и в какой-то степени религиозно-конфессиональные и этнополитические сообщества. Бюрократия и буржуазия выступают организаторами политического процесса, так как их позиции в социально-экономической системе заставляют их для удовлетворения своего частного интереса не только апеллировать к интересам общенародным, но и обеспечивать ту или иную степень удовлетворения таковых. Религиозно-конфессиональные и этнополитические сообщества выступают организаторами политического процесса, так как имеют более

или менее целостную картину будущего и могут предложить обществу конкретные схемы удовлетворения общих интересов. Эти группы обладают влиянием и мобилизационными ресурсами для осуществления самостоятельной политической линии.

Современные российские политические партии являются всего лишь публичным выражением культурно-политических сил. Они не могут соотнести себя с социально-классовыми группами и не опираются на рационализованные социальные интересы.

Большинство общественных организаций — это структуры самопомощи, локальные гражданские инициативы, социальные движения «одного пункта», решающие проблемы местного значения, отстаивающие права небольших социальных групп и не ставящие перед собой задачи крупных институциональных изменений. Из-за особенностей российской экономики такие объединения склонны впадать в патерналистскую зависимость от более сильных акторов и превращаться в «официальную общественность». Тем самым они утрачивают функцию социального представительства, все чаще отстаивают не общие, а частные интересы и, продолжая играть роль каналов обратной связи с населением, становятся мобилизационным ресурсом государственной власти.

В социальном плане общественные организации представляют две группы российского населения. Первая все еще находится в процессе ресоциализации, то есть адаптации к капиталистической социально-экономической системе, и пока не в состоянии выстроить рациональные, понятные, долгосрочные жизненные стратегии. Вторая десоциализируется, то есть предел ее адаптации — выживание. В поколенческом плане эти группы охватывают большинство населения в возрасте 30—50 лет.

На институциональные изменения ориентирована меньшая часть гражданских ассоциаций. Она представлена в основном религиозными и этнополитическими организациями и общественно-политическими объединениями граждан либеральной, социалистической и консервативной направленности. Данные ассоциации представляют автономную часть населения страны и опираются на рациональные социальные интересы, предъявляемые государству и другим социальным группам. Эта автономная часть, в основном в возрасте 30—40 лет, в целом адаптировалась к условиям капиталистической конкурентной системы и сформировала так называемый «креативный класс». К ней примыкает и генерация молодежи, «рожденной не в СССР», то есть в целом свободной от советской ментальности и тоталитарной политической культуры. Именно эти слои населения способны эмансипироваться от современной государственно-политической системы.

В течение 2010—2011 гг. в политической жизни страны обозначилась тенденция к оформлению новых гражданских политических сил, переосмысляющих националистические, либеральные и социал-демократические стратегии развития. И важно, что будет преобладать —

отчуждение их от государства и общества или тренд на модернизацию, на демократическое реформирование политической системы.

**Профессор
кафедры
маркетинга и
муниципального
управления
Тюменского
государственного
нефтегазового
университета
С.А.Шестаков**

Очевидно, что дискурс наших чтений можно определить одним словом — демократия. Статья 1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство». Однако однозначно определить демократию нельзя.

Общим местом в политической науке является утверждение, согласно которому понятие «демократия» имеет множество смыслов. Ее можно понимать и как мировоззрение, и как направление общественной мысли, и как доктрину, и как политический режим, и т.д. Это действительно так. К тому же выделяют множество форм демократии: либеральная, прямая, социалистическая, народная, органическая, дефектная демократия — список можно продолжать до бесконечности.

Обратимся к древним, к непосредственному источнику «демократического дискурса». Платон в диалоге «Государство» относил демократию к «извращенным видам государственного устройства», а хуже ее полагал только тиранию, причем утверждая, что «тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии». Сама же «демократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожают, иных изгоняют, а остальных уравнивают в гражданских правах». Аристотель относил демократию к отклоняющимся видам государственного устройства, которые противостоят правильным; демократия блюдет интересы неимущих. Такое отношение к демократии пережило античность. Французский философ первой половины XX в. Рене Генон, говоря о всеобщем кризисе западного мира, и в частности о кризисе демократии, отмечал: «Самые решительные доводы против демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно... Если под словом „демократия“ понимать полное самоуправление народа, правление народа над самим собой, в таком случае оно заключает в себе абсолютную невозможность и не может иметь никакого реального смысла ни в наше время, ни когда бы то ни было еще». Среди бесконечного множества апологетических характеристик демократии одна из наиболее ярких и известных принадлежит, наверное, Черчиллю: «Демократия — наихудшая из систем власти, за исключением всех остальных».

Поэтому содержание понятия «демократия» в каждом конкретном случае зависит от многих параметров: от исследовательского подхода и ракурса, от идеологических пристрастий и т.д. В контексте моего доклада важны два постулата. Первый основан на следующем утверждении Аристотеля: «Государство создается не ради только того, чтобы жить, но

преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных». Иначе говоря, демократия хороша не сама по себе, не как цель, а как средство достижения материального и духовного благополучия. Второй постулат отсылает к самой, пожалуй, авторитетной в политической науке концепции демократии — к концепции полиархии Роберта Даля. Даль последовательно различает демократию как идеальную модель и полиархию как политическую реальность. Полиархия — это не единственно правильное и наилучшее государственное устройство; согласно Далю, полиархия — это реалистический вариант демократии, набор социальных процессов, с большим или меньшим успехом поддерживающих демократический идеал. Другими словами, полиархия есть политический режим, опять-таки способствующий процветанию общества — в том числе российского. Конечно, условием успешности такого режима является наличие в нем ряда политических институтов, обеспечивающих свободу граждан, — внимание Даля сосредоточено в основном на них. Но мне бы хотелось обратить внимание на вызовы, имеющие неинституциональный характер, относящиеся к человеческому измерению политики. Полагаю, что именно такие вызовы сегодня наиболее важны для российской демократии.

Демократия всегда существует в определенном географическом и политическом пространстве. Демократия живет в политико-правовых рамках, имя которым — государство. Дело демократии — это прежде всего национальное, внутреннее дело суверенного государства. И первым вызовом для нас я полагаю вопрос о способности России самостоятельно, без чьих-либо указаний строить демократию.

Я абсолютно убежден в беспорности одного из базовых положений программы партии «Единая Россия»: «Мы строим страну со своей собственной успешной исторической перспективой и особым местом среди стран — мировых лидеров, соразмерным нашим возможностям, социально-экономическому и интеллектуальному потенциалу. Мы исходим из неотъемлемого права свободного российского народа самостоятельно определять свою историческую судьбу, распоряжаться национальным достоянием, в том числе природными богатствами, осуществлять развитие в интересах всей нации, а не в угоду отдельным олигархическим группам или силам внешнего влияния. Для нас суверенная демократия — это право народа делать свой выбор, опираясь на собственные традиции». Концепт суверенной демократии — наиболее адекватный ответ на первый вызов. Россия без посторонней помощи выстрадала, вымолила демократию в ходе всей своей истории.

Второй вызов — драматическая ситуация в российской политической культуре. Подлинной драмой нашей политической жизни является расколотость, эклектичность политической культуры и политического сознания, наличие противоборствующих субкультур. Сохраняется проблема неоформленности общенациональной идеологии. Особо следует подчеркнуть, что статья 13 Конституции запрещает не идеологию

вообще (идеология неотменима), а только общеобязательную государственную идеологию. Идеология же как феномен есть неотъемлемый, структурный признак государства, выполняющий интегративную функцию. Ответом на этот вызов должно стать оформление современной демократической политической культуры и общенациональной интегративной идеологии как ее обязательной части. Особое место тут должно быть отведено системе образования. Убежден, что необходимо приложить все усилия для восстановления политологии в качестве обязательной учебной дисциплины во всех вузах. Ведь речь идет о политической социализации молодых специалистов высшей квалификации — а именно им предстоит продолжать созидать демократическую Россию.

Третий вызов — качество российской политической элиты. Родовым свойством нашего политического класса является его советское происхождение. По своему характеру, составу и стилю российский политический класс все еще остается номенклатурой, к тому же ухудшенной чертами, дополнительно приобретенными ею в эпоху приватизации. Такой политический класс отторгается обществом. Если не будет решена проблема качества элиты, у России как общества просто нет будущего — и тогда рассуждения о демократии теряют всякий смысл.

Четвертый вызов — цивилизационный. Знаменитая работа Сэмюэла Хантингтона показывает, что хоронить цивилизационную теорию преждевременно. Сама политическая ситуация демонстрирует имманентность конкуренции цивилизаций. Поэтому жизненно важно понимание того, что евразийское географическое пространство является в цивилизационном отношении единым, а Россия представляет собой его становой хребет. Меры нашего политического руководства по оформлению Евразийского союза кажутся мне верным шагом в поисках ответа на этот вызов.

**Председатель
Тюменского
регионального
отделения и член
Генерального
совета
Общероссийской
общественной
организации
«Деловая Россия»
Л.К.Неведайло**

Специфика участия бизнеса в региональной публичной политике заключается в том, что исторически и ментально российское предпринимательство очень разобщено. Однако в нынешней социально-экономической и политической ситуации это проигрышная позиция. Диалог государства и бизнеса будет лишь тогда полноценен, когда бизнес станет квалифицированным партнером власти — а это возможно только в случае его консолидации. Ведь изначально позиции государства и бизнеса по ряду вопросов противоположны — государству для решения своих задач необходимо изымать как можно больше налогов, бизнесу нужно как можно больше средств оставить на свое развитие. И если не заниматься постоянной настройкой, балансированием этих интересов, то возможен их прямой конфликт, что недопустимо. Именно в таком посредничестве между властью и бизнесом мы видим основную роль общественных объединений предпринимателей.

Надо сказать, что в последние 3—4 года деятельность таких объединений в Тюменской области поднялась на качественно новый уровень. Количество людей, способных к самоорганизации ради защиты общих интересов, значительно выросло. В активе «Опоры России», «Деловой России», торгово-промышленной палаты, отраслевых ассоциаций появились реальные дела. Главное — диалог с региональной властью налажен, отношения выстроены. Мы занимаемся защитой интересов бизнеса по разным направлениям — от подсоединения к коммуникациям и налоговой проблематики до подготовки квалифицированных кадров. Представители наших объединений входят во все комиссии по оказанию государственной поддержки бизнес-проектам, в советы по развитию предпринимательства — на уровне городов, области в целом, Уральского федерального округа. Мы принимаем участие во всех крупных мероприятиях, в том числе с участием первых лиц государства, вносим свои предложения, и самое главное — нас слышат.

В прошлогоднем Послании губернатора Тюменской области В.В.Якушева обозначены ключевые задачи региональной власти, в решении которых мы также намерены участвовать.

Первая задача — вовлечение в публичную политику широкого круга новых людей, обладающих амбициями и стратегическим видением. Уже назрела необходимость перепозиционирования, обновления как политических, так и бизнес-элит. Об этом говорят и премьер-министр, и президент России. Государство и бизнес сейчас осознают, что, при наличии разных интересов, главная цель у них общая — процветание и могущество России.

Эта новая тенденция внушает оптимизм. Предприниматели, а тем более малый и средний бизнес, как правило, связывают свое будущее с регионом. Мы не мыслим оффшорными категориями и хотим жить и развиваться здесь и сейчас, а не там и потом. Так что мы готовы стать надежным партнером региональной власти в формировании той самой публики, о которой говорила Нина Юрьевна. Примером может служить наш Столыпинский клуб, в рамках которого мы уже обсудили три важнейшие темы: будущее города Тюмени, концепцию «25 миллионов рабочих мест», условия инвестиционной привлекательности региона.

Такие встречи дают предпринимателям возможность высказывать свою точку зрения и так или иначе влиять на публику. С другой стороны, они позволяют власти обнаруживать тех самых новых людей, способных положительно влиять на развитие региона и страны в целом.

Еще одна задача власти, обозначенная в Послании, — системный реинжиниринг всего комплекса региональных стратегических разработок. Мы предлагаем делать эту важнейшую работу вместе. Тогда и ошибок будет допущено меньше, и мы сможем точнее представлять наши цели и перспективы. Тем более что у нас уже есть положительный опыт совместной работы по Модельной программе улучшения инвестиционного климата в регионах. Первый шаг сделан — подписано соглашение между губернатором Тюменской области и ООО «Деловая Россия»

о внедрении стандартов деятельности региональных органов власти по улучшению инвестиционного климата. Замечу, что Тюменская область стала первым регионом, подписавшим такое соглашение.

Мы понимаем, что наше будущее зависит от тех, кто сегодня сидит в студенческих аудиториях. Сейчас определяющим становится наличие грамотных и квалифицированных кадров. Поэтому мы организовали «Школу „Деловой России“», в рамках которой проводятся практические занятия под руководством успешных действующих предпринимателей. На своих дискуссионных площадках мы консолидируем активных, амбициозных людей, стремящихся не только к собственному обогащению, но и к развитию своего региона и страны. Мы здесь, мы с вами, мы готовы работать вместе.

**Президент
Фонда
общественной
дипломатии
«Диалог»
И.А.Ульянова**

Не случайно наше обсуждение происходит в тот момент, когда на улицах российских городов проходят различные публичные акции, в ходе которых часто звучит тезис об отсутствии в России гражданского общества, об отсутствии диалога между властью и обществом. Естественно, этому можно найти объективные и субъективные причины. Мы должны признать тот факт, что долгие годы в России наблюдался спад публичной политики, что целое поколение не имело ни практического опыта публичной деятельности, ни потребности в ней. И их дети — сегодняшняя молодежь — не получили от родителей этого опыта. Однако потребность в активной демонстрации своей позиции у них появилась.

Как выглядят отношения между обществом и властью в Тюменской области? Здесь проживают представители 150 этносов и субэтносов, 20 конфессий, зарегистрированы и функционируют более 2,5 тыс. общественных объединений и некоммерческих организаций. В течение многих лет работают такие диалоговые площадки, как Гражданский форум, различные координационные советы, общественные советы городов Тюмени, Тобольска, Ишима. Выделяются муниципальные и губернаторские гранты, реализуются долгосрочные целевые программы... Другими словами, условия для диалога, для учета гражданских инициатив при принятии и реализации управленческих решений есть. Но насколько само общество ими пользуется? Как сами граждане участвуют в общественной экспертизе, гражданском контроле над деятельностью органов власти региона?

Специалисты нашего Фонда выяснили (хочу заранее извиниться перед теми, кого ненароком могу обидеть): со стороны общественных объединений и некоммерческих организаций выдвигается все меньше и меньше инициатив, программ и проектов, работающих не только на самих инициаторов, но и на муниципалитет или регион в целом. Слабо используются новые технологии, особенно организационные и информационные. Господствует патерналистская психология — ставка делается исключительно на государственную поддержку. Работа с бизнес-

сообществом по привлечению внутренних и внешних социальных инвестиций почти не ведется. Удовлетворенность достигнутым, дефицит ярких, амбициозных проектов, слабая вовлеченность в процессы взаимодействия власти и общества — это еще не полный перечень негативных моментов, обнаруженных нами в работе общественных структур.

Теперь о молодежи. Предположим, что инициатива включения в общественную жизнь у молодого поколения уже появилась. Сейчас мы наблюдаем это и на митингах, и в обсуждениях в сети. Но принятие протеста в качестве основной формы консолидации вряд ли можно считать положительной тенденцией развития публичной активности. Это значит, что молодежь важно научить созидать, а не разрушать в протесте. Надо постоянно ставить молодых людей перед необходимостью высказываться, обсуждать, дискутировать. Как минимум — учить их критическому мышлению и восприятию информации. Как максимум — вырабатывать у них способность находить компромисс и формулировать свои собственные требования и предложения.

В тезисах нашего докладчика прозвучала мысль: «Необходимы площадки диалога с публикой, необходимо встраивать ее в систему принятия решений». Хотим мы этого или нет, существенная часть этой работы будет вестись в сети, в интернете. Наш портал «Диалог» (www.dialog-urfo.ru) как раз и является попыткой создания диалоговой площадки для населения, общественных объединений и государственных структур различного уровня. Однако приведу пример последнего январского обсуждения на портале — обсуждения статьи В.В.Путина о национальном вопросе. Обсуждение длилось 10 дней. Общее количество участников — 17. Количество сообщений — 40.

О чем говорит эта статистика? Лично мне — о том, что формировать «образованную, компетентную, ответственную» публику есть колоссальный труд! Не только приучить людей к мысли, что есть площадка, где можно высказывать свою гражданскую позицию, но и убедить их выражать свои мысли внятно, конструктивно и позитивно — дело адски сложное.

С.И. Каспэ

Мы все время возвращаемся к этой теме — как сформировать активную, компетентную, многосоставную публику? Одна из самых распространенных иллюзий: эта публика уже где-то есть, перед ней только нужно распахнуть двери (или даже порталы), и тут же публичная политика расцветет буйным цветом. Не будет этого. Чтобы такая публика возникла, нужны специальные тяжелые усилия. И к тому же все время возникают сомнения — а зачем? Если ее нет в родной природе, так, может, и обойдемся? Нету, и ладно. Не обойдемся, и по удивительно простой причине. Почему-то так получается (почему именно — предмет отдельного разговора), что общества, в которых такая публика есть, более конкурентоспособны. А те, в которых ее нет, с удручающей регулярностью впадают в хаос, нищету и кровопролитие. Вот и все.

**Свободный
микрофон**

Директор аналитических программ Регионального информационно-аналитического центра «Сотрудничество» Л.С.Березин: В нашей стране власти всегда боялись любой активности улицы. И только сейчас власть начала наконец осознавать: всякая публичная активность у нас быстро сходит на нет, и именно поэтому публичная политическая активность несет гораздо меньшую опасность, чем непубличная.

И хорошо, и плохо, что доклад уважаемой Нины Юрьевной был почти полностью переведен с английского; все-таки «public» и «публичное» — разные вещи. В русском языке и в русской реальности «публичное» противопоставлено «кулуарному». Публичное — это не интересное никому, потому что за публичным не просматривается интерес реальных акторов. Слово «публика» вообще более уместно в искусствоведении: публика — это те, кто воспринимает зрелище, а не создает его. То же и в политике: публичное спровоцировано исключительно подлинной или мнимой угрозой, исходящей от властей, и потому представляет собой временное явление.

Зам. председателя Тюменской областной думы В.А.Рейн: Чтобы лечить, нужно поставить правильный диагноз. У нас в обществе велика доля молодежи, относящейся к категории потребителей и «пофигистов». Может быть, мы должны сейчас выходить на более высокий уровень социальной ответственности? Может быть, есть перспектива появления какого-то кодекса социальной ответственности? По данным опросов, более 82% жителей Тюменской области связывают свое будущее с регионом, хотят жить именно в нем, но некоторые цифры, полученные на недавних выборах, вызвали недоумение. Что в благополучной Тюменской области привело к тому, что жители проголосовали... не так, как надо?

Директор Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета С.В.Кондратьев: В докладе было несколько ключевых слов — публичность, публика, участие... Но публичность, как правильно было замечено, есть свойство зрелища. А когда мы идем на зрелище, мы идем не на массовку, а на отдельных людей — актеров, режиссеров, солистов... Публичность хороша уже тем, что это другой тип селекции: если театр не предложит ярких лиц, его закроют. В российской политике селекция совсем другая, непубличная. Она очень плохо работает, когда появляется принципиально другой запрос, и он появился. Возник новый театр — им стал интернет, социальные сети. Вот там и появились актеры и режиссеры, умеющие организовывать публику. И если мы не сблизим механизмы селекции, действующие в новом театре и более привычном нам газетном дискурсе, то социальный разрыв будет увеличиваться.

Исполнительный директор Благотворительного фонда развития города Тюмени В.В.Барова: Еще в эпоху перестройки мне приходилось налаживать общественные дискуссии, и я помню, как было трудно вызвать людей на открытый разговор. Люди вообще не верили, что сказанное ими может иметь какое-то значение. Я годами наблюдала, как рос и менялся общественный сектор. И мне ужасно жаль, когда говорят, что люди все время ждут чего-то от власти. Это неправда. У нас стало меньше регистрируемых как юридические лица общественных организаций, но только потому, что их стало дороже регистрировать и содержать и многие стали обходиться без оформления юридического лица.

Но у нас, Владимир Владимирович, до сих пор нет нормальной живой программы, которая учитывала бы инициативы и предложения социально ориентированных некоммерческих организаций. Я передаю Вам обращение Клуба лидеров общественных организаций...

(Аплодисменты.)

Не мне нужно аплодировать, а Владимиру Владимировичу! Я надеюсь, что наши эксперты будут востребованы...

В.В.Якушев: Но тут опять про деньги, а не про конкретные предложения!

(Смех в зале.)

В.В.Барова: Это неправда!

В.В.Якушев: Как это неправда?! *(Зачитывает письмо):* «Действующая система предоставления финансовых средств областного бюджета направлена в основном на финансирование отдельных мероприятий НКО, это не позволяет укреплять потенциал некоммерческого сектора, не способствует активизации участия некоммерческих организаций и общественных объединений граждан в оказании социальных услуг населению». Речь о финансовой поддержке, а не об инициативах.

В.В.Барова: Нет!

В.В.Якушев: Я читаю то, что тут написано.

В.В.Барова: Нина, помоги мне с русского на русский перевести!

(Гомерический смех в зале.)

Ассистент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета И.С.Самборецкий: Здесь говорилось о «пофигистах» — о молодежи, не интересующейся политикой или общественными делами. Но какой смысл мне, представителю молодежи, идти в политику, если уже сейчас все знают, кто будет следующим президентом?

С.И.Каспэ: Вы знаете, ситуация, когда заранее известно, кто станет следующим президентом или премьером, не уникальна — тому есть множество примеров и в развитых демократиях. Меня другое интересует: неужели это единственный политически значимый вопрос, который вас волнует? Этих вопросов вообще-то сотни и тысячи, и от многих из них наша жизнь зависит гораздо больше, чем от президентских выборов. Политика не сводится к конкуренции за высший государственный пост. Между прочим, большинство людей, выходящих на митинги, тоже знают, кто будет следующим президентом, — но руки опускать не собираются.

Аспирантка Тюменского государственного университета О.Ю.Бредихина: Нина Юрьевна, здесь многие говорили, что и бизнес, и многие государственные организации заинтересованы в строительстве гражданского общества. Но когда у сотрудника одна гражданская позиция, это поощряется, а когда другая, когда он участвует в митингах, то он нередко вынужден прятать лицо, чтобы начальство не узнало. Я знаю таких людей и в Москве, и в Тюмени. Что это — боязнь руководителей организаций потерять место под солнцем или принципиальное неприятие публичной политики?

Директор ООО «Чистая Вода» Д.А.Змановский: Я так понял, что мы еще в начале пути к гражданскому обществу. Мне 38 лет. Скажите, пожалуйста, как долго еще идти?

(Смех в зале, аплодисменты.)

Председатель Совета территориального органа общественного самоуправления микрорайона Тура А.М.Селезнева: Нина Юрьевна, я каждое ваше слово соотносила со своей общественной работой, которой я в микрорайоне Тура занимаюсь 15 лет. Никто не скажет, что кто-то может навязать Селезневой свою волю. Я всегда свою волю высказываю. На последних выборах я 27 голосов укараулила. Демократия в каждом из нас, мы должны отстаивать интересы народа. И мы сами тоже народ. А кто у нас главный в жизни? Народ. И по Конституции — народ. Я не говорю, за кого голосовать, мы и так знаем, за кого голосовать. Потому что у нас нет другого выбора. Я сегодня голосовать буду за стабильность, я сама реабилитирована, у меня родители раскулачены, и мне бы не хотелось, чтобы сегодня началось Бог знает что — передел собственности или что-нибудь похуже. Но я хотела бы задать вопрос. У нас в городе есть общественный совет, и я считаю, что мы действительно работаем! Работаем, не даем спокойно жить никакой власти. Владимир Владимирович, разве не так?

В.В.Якушев: Могу подтвердить.

А.М.Селезнева: Но вопрос такой: зачем вводить на муниципальных выборах пропорциональную систему? На муниципальных выборах могут быть только одномандатные округа. Возьмите, пожалуйста, этот вопрос на контроль и сделайте так, чтобы наша демократия работала и никто ей не мешал.

Н.Ю.Беляева

Начну с самого острого вопроса: зачем идти в политику, если и так все ясно? Губернатор есть, президент известен, даже если будет второй тур, все равно понятно, кто в нем победит. Вот это ощущение предопределенности, как мне кажется, и выхолостило гражданскую активность. Общество развивается циклически — от концентрации гражданской энергии до перестройки политических структур. Потом надо освоить эти политические структуры, а затем гражданская активность переключается на другие вещи: нужно обустроить семью, собственный дом, научиться зарабатывать... Но всегда наступает новый сдвиг. Первый содокладчик говорил о разной степени адаптации к переменам — мне кажется, это очень важно. Кстати, коллега Каспэ в своем последнем докладе на семинаре «Полития» рассказывал о близких вещах, о концепции постматериального сдвига. Когда граждане только встали перед необходимостью адаптироваться к рыночной экономике, им было невероятно тяжело, им было не до гражданской активности. Начали засыхать гражданские структуры, возникшие в последние годы советской власти. Отсюда и возникло ощущение предопределенности, бессмысленности какого-либо участия. Но публика — текучая вещь, она намагничивается и размагничивается самостоятельно. Если гражданская энергия снова нарастает, значит, люди не удовлетворены ситуацией. И если предложить им новые структуры и новые формы участия, сразу станет понятно, что предопределенность — мнимая, и макрополитическая рамка не остановит тех, кто войдет в ТОС и будет, например, менять порядок муниципальных выборов. Могу сказать только одно: если есть инициатива снизу по изменению того или иного закона, то своей цели надо добиваться не единичным заявлением одной структуры. Надо собрать гражданскую коалицию по всей стране — и предъявить эту коалицию федеральной власти. Я сторонница того, чтобы дать право законодательной инициативы самим гражданам — при условии сбора достаточного количества подписей. Это существует во многих странах. Почему бы нам не принять эту норму, хотя бы на региональном уровне?

По поводу того, что людям приходится скрывать свое лицо. Власть протестам не рада, это, к сожалению, правда. Однако протест — нормальная форма гражданской активности. Я видела в губернаторском послании замечательную цитату из апостола Павла: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор.11:19). Если все со всем согласны, то как же выявится альтернатива?

Само состояние протеста естественно для критического ума. И быть в меньшинстве — это тоже нормально. Приведу пример из жизни нашего университета (Высшей школы экономики). У нас преподают и учатся люди самых разных политических взглядов. Но когда некоторые наши студенты участвовали в митингах протеста, милиция не только задержала их (дело было еще до декабря), но даже написала некое послание ректору с предложением этих студентов отчислить. Ректор публично ответил, что решать этот вопрос должна не милиция, а научный руководитель — студенты действовали в рамках закона, выражали свою гражданскую позицию. А потом появилось и официальное заявление, что задержанные на митингах студенты получают от юридического факультета всю необходимую правовую поддержку — разумеется, в том случае, если они не нарушали закона. Право протеста должно быть защищено. Если люди чувствуют риск участия, если люди должны прятать лица, о какой гражданской активности мы можем говорить?

С.И. Каспэ

Мне кажется, тут нужно добавление. Люди, которые прячут лица, выходя на митинги, особого сочувствия не вызывают. Потому что тем самым они вычеркивают себя из публичного пространства. Они как бы заявляют: я никто, звать меня никак, и никакой ответственности за то, что я здесь делаю, я нести не собираюсь. А публичной политики без публичной ответственности не бывает. Между прочим, все беспорядки и погромы во время недавних манифестаций в европейских городах начинали именно люди в масках. Раз, другой... после чего сами же протестующие стали этих провокаторов отлавливать, слегка поколачивать и передавать полиции. Так ведет себя ответственное общество.

Н.Ю. Беляева

Совершенно верно. Мы хотим, чтобы люди нас видели, хотим артикулировать свою позицию открыто. В этом смысле мы сами заинтересованы, чтобы нас знали. Главная задача публичного действия — демонстрация собственной позиции. Но, конечно, люди, делающие это, должны чувствовать себя защищенными.

Еще был вопрос: почему люди вроде бы всем довольны, но голосуют за другие партии? Я считаю, что это здорово. Это значит, что люди не запуганы. Довольный человек тоже способен видеть альтернативы.

Сколько нам еще идти до гражданского общества? А это зависит от того, как быстро мы будем идти. Это вполне может быть скачком, ответом на некий вызов. И мы оглянуться не успеем, как окажемся в нормальном общественном состоянии.

В.В. Якушев

Я почему зачитал письмо Клуба лидеров общественных организаций? Не потому, что оно мне чем-то не нравится, а просто потому, что в выступлении речь шла о гражданских инициативах, а в письме —

о государственной поддержке. Это не значит, что мы на письмо неотреагируем. Обязательноотреагируем.

О масках. Я полностью разделяю точку зрения Святослава Игоревича. Если человек выходит на митинг, то лицо его должно быть открыто. Вспомним события на Манежной площади, когда глава ГУВД Москвы был вынужден вести переговоры с людьми в масках. Это что, нормально? Человек закрывает лицо, участвуя в несанкционированных акциях. Несанкционированные акции — это нарушение закона. А государство существует для того, чтобы защищать закон, и у него для этого есть аппарат принуждения. Когда мы говорим о государстве, то в первую очередь имеем в виду именно этот аппарат. Если его нет, то государство перестает существовать.

По поводу недавних митингов. Да, у нас была история, когда мэрия Тюмени стала слишком переживать за здоровье людей, ссылаясь на мороз и отказывая в проведении акций. Кто-то из чиновников переусердствовал. Но мы вступили в переговоры и в результате все уладили. Да, было желание у КППРФ провести пикет на автовокзале. Но по закону транспортная инфраструктура не может быть местом пикетов и демонстраций, и им было отказано. И, кстати, претензий со стороны КППРФ не было. Еще было заявлено шествие по улице Республики. Но это же был бы транспортный коллапс, если бы мы его разрешили, — весь город бы встал. И снова нашли компромисс.

Но хотелось бы сказать несколько более важных слов о возникшей сейчас уличной демократии. Действительно, для ее всплеска есть объективные причины, и я не вижу в ней ничего страшного, если все происходит в рамках действующего законодательства. Мы понимаем, что граждане имеют право высказать свою точку зрения. Но меня настораживает, что на митингах все больше становится анархических настроений. А анархические настроения — это отрицание государства. И мы помним, к чему они приводят: теракты против губернаторов, убийство Столыпина, революция — и еще 70 лет, пока мы поняли, что зашли куда-то совсем не туда. Меня даже не как губернатора, не как государственного деятеля, а просто как человека все это очень сильно настораживает. Когда мы пытаемся выстроить с такими людьми коммуникацию, она не получается: у них нет никаких требований, кроме отрицания государства. Я не могу и не хочу разделять с ними эту точку зрения. Я не сторонник анархии. Какими бы терминами мы не оперировали — публичная демократия, публика и т.д., — отсутствие государственной машины делает нашу жизнь невозможной. А в молодежной среде под благородными лозунгами о честных выборах начинает распространяться именно анархическая платформа. Это опасно.

Что касается диалога власти и общества, механизмов учета общественных инициатив, то я считаю, что тех, которые есть, в принципе достаточно. Все предложения рассматриваются. Все обсуждается не только на правительственных заседаниях и в Областной думе, но и на независимых площадках. У нас 10 лет работает Гражданский форум;

он, кстати, появился одним из первых в стране. И как бы ни настаивали федеральные законодатели, что нам нужно переименовать его в общественную палату, мы с ними не согласились: для нас этот вопрос имеет принципиальное значение. От появления еще одной комиссии или площадки качество гражданского общества не возрастет. Я согласен с той мыслью, что проблема в неэффективном использовании имеющейся инфраструктуры диалога.

В частности, я веду свой видеоблог — увы, там в комментариях 90% эмоций и только 10% продуктивных предложений. Но я хотел бы рассказать о двух законах, которые были приняты или изменены благодаря обсуждению на этой площадке. Первый — о предоставлении жилья работникам бюджетной сферы, и он уже успешно работает. Второй — о предоставлении земельных участков многодетным семьям. Закон был принят на федеральном уровне, а у нас возникла проблема с его реализацией. Просто потому, что в городе Тюмени практически отсутствует свободная земля. Ее нет, и все; а порядка 12 тыс. многодетных семей, естественно, хотят быстрее получить гарантированный законом участок с подведенной инженерией. Но в рамках видеоблога мы по этому вопросу сегодня находимся в нормальной дискуссии и ищем решения. Правда, на сайте «Россия без дураков» меня пропесочили, заявив, что я, мол, сепаратист, — на том основании, что я предложил ввести принцип оседлости и предоставлять землю только тем семьям, которые пять лет прожили на территории субъекта Федерации. Я от этого предложения не отказываюсь, потому что вижу серьезную угрозу: миграционные потоки растут с каждым годом, отсутствие принципа оседлости приведет к тому, что мы создадим еще один стимул к их росту. По социальным рискам это сейчас тема номер один. Да, я выступил с такой инициативой, депутатский корпус меня поддержал, и на экспертных площадках меня поддержали. А то, что на сайте «Россия без дураков» написали, что тюменский губернатор, видимо, слегка придурковатый, — на то она и публичная политика, Господь им судья.

Не всегда надо брать количеством, надо брать качеством. Площадок у нас много, но качество дискуссий должно постоянно расти. Сегодня все граждане, у которых есть серьезные предложения, должны участвовать в диалоге с государством. И государство должно отвечать им тем же.